

© 2008 г.

Б.М. ДАНГАТАРОВА

**ТУРКМЕНСКОЕ СООБЩЕСТВО НА СТАВРОПОЛЬЕ: ТЕНДЕНЦИИ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ**

*ДАНГАТАРОВА Бектолой Менглибакиевна – аспирант
Ставропольского государственного университета.*

Туркменский этнический социум на Ставрополье можно рассматривать как пример носителя традиционного типа культуры, сохранившего многие её черты. Относительно небольшая группа живущих здесь туркмен (численность её в лучшие времена не превышала 30 тысяч, а в худшие сокращалась до 5 тысяч человек) обладает этнической спецификой. Это фиксируется и в языке, и в материальной и духовной культуре, и в развитости этнического самосознания. Составляющие эту группу считают себя северокавказскими туркменами, осознавая различия с туркменами Средней Азии.

В июне 2006 г. нами было проведено социологическое исследование с целью выяснения современных тенденций социокультурного развития туркмен Ставропольского края. Для сбора информации использовался метод личного формализованного интервью в соответствии со специально разработанной анкетой. За генеральную совокупность было принято компактно проживающее туркменское население Туркменского и Благодарненского районов старше 18 лет. Исходя из параметров генеральной совокупности была сконструирована трёхступенчатая стратифицированная вероятностная выборка (150 человек), репрезентирующая взрослое

туркменское население территории. Квотировались значения трёх переменных – пол, возраст и уровень образования. Для расчётов использовались статистические данные Ставропольского краевого комитета государственной статистики на 1.01.2006 г. Первичные данные обработаны посредством программного пакета SPSS 10. Рассмотрим некоторые результаты исследования.

Ценностные ориентации этнической общности. Исследование позволило составить представление о *ценностных ориентирах* данной группы туркмен и, до некоторой степени, объяснить их смысложизненные установки и целеполагание. Следует отметить, что общие тенденции ценностных ориентаций туркменского этнического сообщества почти совпадают с другими социальными группами населения края. Пожалуй, есть лишь одна отличительная черта – почти половина выборки (49,3% респондентов) одним из важных ценностных ориентиров назвала «чувство собственного достоинства, самоуважение, честь».

На первом месте у ставропольских туркмен стоит *семья и продолжение рода* (60,5%), на втором – *уверенность в завтрашнем дне*, т.е. стремление обеспечить семье возможности дальнейшего развития (53,3%). Также в число трёх доминирующих позиций входит, как отмечено выше, *чувство собственного достоинства*. Фактически, три основных ценностных и смысложизненных ориентира современных ставропольских туркмен не относятся к категории материальных благ и не отражают стремления индивидов к достижению высокого социального положения и крупного материального достатка. Все эти позиции, скорее, относятся напрямую к сфере традиционной культуры, требующей создания условий в первую очередь для воспроизведения человеческих ресурсов и сохранения традиции, позволяющей чётко фиксировать свою этнокультурную идентичность и инаковость по отношению к другим группам. Сохранение собственного достоинства, самоуважения и чести, присуще, как это свойственно традиционным культурам, в большей степени мужчинам-респондентам

(65,8% против 32,9% у женщин). Вообще, *гендерные различия* в оценке значимости предложенных ценностных ориентиров весьма существенны. Женщины весьма чётко придерживаются характерной для традиционной культуры социальной роли хранительницы очага и субъекта, призванного обеспечить внутреннюю стабильность семьи как микросоциума. Мужчины в большей степени заботятся о саморазвитии и самооценке, причём, выражая меньший интерес к материальным ценностям (богатство), чем женщины.

Примечательно, что респонденты обеих групп в равной пропорции высказались за важность для них *«полной, неограниченной свободы»* (23,7%). Весьма сложно обоснованно судить о том, от чего именно свободу подразумевали респонденты; вряд ли речь идёт о банальной вседозволенности или стремлении к полному отказу от системы ограничений и запретов, устанавливаемой традиционным социумом. Тем не менее, следует отметить, что это достаточно высокий результат по данному пункту в аудитории традиционной культуры и, возможно, не в последнюю очередь связанный с определённым желанием *модернизации* как освобождения от части традиционных ограничений и условностей.

Существенные различия в определении ценностных ориентиров фиксируются при рассмотрении результатов опроса по *возрастным группам*. Показательно, что и в этой проекции пункт о полной и неограниченной свободе даёт парадоксальные результаты – к ней (свободе) стремятся в большей степени люди среднего и старшего возраста, а в наименьшей – те, кому ещё не исполнилось 25 лет. На наш взгляд, можно предположить, во-первых, естественную разницу в понимании «свободы» у людей разных поколений, а, во-вторых, не исключено, что молодые люди уже в меньшей степени ощущают себя связанными традицией, её условностями, ограничениями и запретами, не отказываясь, разумеется, от своей идентичности, но, интуитивно, под влиянием внешней среды, модернизируя её.

Ещё один важнейший элемент традиционной культуры – *религиозная аффилиация* (принадлежность) – достаточно чётко демонстрирует различия в ценностном подходе разных поколений ставропольских туркмен. Бог, стремление к нему, выполнение Его заповедей оказалось важным лишь для 4,2% респондентов в возрасте от 50 до 60 лет и для 47,8% тех, кому уже за 60. Объяснить столь резкий диссонанс во мнениях достаточно сложно – как будет показано далее религиозные традиции и обычаи соблюдаются немалой частью респондентов достаточно скрупулёзно. Возможно, респонденты просто продемонстрировали своё стремление жить в миру, не отказываясь от веры, но и не становясь людьми, в полной мере погружающимися в религию.

Также следует обратить внимание на регрессию показателей по первому варианту ответов в соответствии с увеличением возраста респондентов. Если больше половины (53,8%) *молодых туркмен* в возрасте до 25 лет ставят *богатство* наравне с семейными ценностями, то уже после этого жизненного рубежа привлекательность объёмного материального достатка резко уменьшается, достигая минимума в старших возрастных группах. Здесь, на наш взгляд, нужно учитывать тот факт, что в большинстве туркменских семей, проживающих в аграрных районах Ставрополя, достаток весьма скромный, и немалая их часть старается отправить своих младших членов на учёбу в Москву, Ростов, Ставрополь, другие города. Основной мотивацией такого шага, призванной стимулировать молодёжь, является достижение материального достатка и солидного положения в обществе, что определённо отразилось на ответах респондентов данной возрастной категории.

Для следующей по возрасту группы респондентов (25-30 лет) на первый план выступает *профессиональный успех* и занятие нужным и интересным делом (65,4%). Примечательно, что в данной возрастной категории семейные ценности несколько отступают на второй план, вытесняемые профессиональной состоятельностью. В этом плане, видимо, ценностная система туркменской молодёжи тяготеет до некоторой степени к

модернизационной модели в противовес более традиционной у среднего и старшего поколения.

Для того чтобы еще более конкретизировать ценностные, нравственные представления респондентов, мы предложили им *дихотомные вопросы*, разделённых шкалой от 1 до 5 (1 – полное согласие с утверждением, расположенным слева, а 5 – с утверждением справа). Такая конструкция вопроса позволяет не только определить интенсивность мнения респондентов по каждому пункту, но и зафиксировать наличие тенденций во мнениях у различных групп респондентов. Пары вопросов отражают как ценностную, так и социальную и мировоззренческую позицию респондентов.

В **первом дихотомном** наборе участникам опроса было предложено 13 пар противоположностей (см. табл. 1). Как видно из таблицы, первые *три дихотомии* относятся к традиционному и религиозному воспитанию в семье, причем в выбранных респондентами окончаниях доминируют левые утверждения. Позиции респондентов достаточно противоречивы: судя по первой паре, большая часть опрошенных (более 50%) хотят *воспитывать своих детей* имеющими собственное мнение и не опасаящимися его высказывать и полемизировать с родителями, старшими. А из второй и третьей дихотомичных пар видно, что большая часть ответивших всё же предпочитают, чтобы их дети были воспитаны с учётом религиозных традиций родителей и исповедовали их религию. В разрезе по возрастным группам отмечаются вполне ожидаемые тенденции: чем старше человек, тем более консервативные варианты ответов он выбирает.

Таблица 1

Дихотомный набор окончаний предложения: «Я бы хотел жить там, где...»

Окончания фразы

1. детей в семье учат тому, что их мнение так же важно, как и мнение родителей	детей в семье учат тому, что нельзя подвергать сомнению авторитет родителей
2. детей в семьях воспитывают с учётом национальных и религиозных традиций и взглядов родителей	национальное и религиозное воспитание в семье не практикуется
3. дети являются последователями той же религии и традиции, что и их родители	дети имеют максимальную свободу выбора религиозных взглядов
4. люди осуждают тех, кто не добился успеха в жизни и одобряют тех, кто всеми силами стремится к успеху	люди сочувствуют тем, кто не добился успеха в жизни, а к тем, кто добился, относятся настороженно
5. роль и мужчины, и женщины заключается в том, чтобы заботиться о комфорте и поддерживать теплые отношения внутри семьи и с другими людьми	роль женщины – заботиться о комфорте и поддерживать теплые отношения внутри семьи и с другими людьми, а роль мужчины – быть настойчивым и стремиться к материальному успеху
6. аборт для женщины считается неприемлемым шагом	любая женщина вправе делать аборт по своему усмотрению

7. добрачные половые отношения осуждаются обществом	молодые люди пользуются максимальной свободой в отношении половых связей до брака
8. преобладает общественный, коллективистский дух и солидарность	преобладают индивидуальная независимость и свобода
9. люди заботятся прежде всего о реализации своих собственных взглядов и интересов	люди стремятся прежде всего к тому, чтобы сохранить взаимоотношения с другими людьми
10. обязанности и место каждого члена коллектива должны быть ясно и четко определены	любой член коллектива должен самостоятельно находить себе дело и место в коллективе, где он работает
11. в коллективе считается естественным критиковать действия и решения своего начальника	в коллективе не принято критиковать действия и решения своего начальника, доверяя его авторитету
12. люди хорошо работают благодаря четко определенным обязанностям и целям	люди хорошо работают благодаря приятному окружению, сердечности и дружелюбию коллег
13. существует довольно мало таких правил, которым необходимо повиноваться	существует множество правил, которым необходимо повиноваться

Стоит обратить особое внимание также и на ряд пар (5-7), содержащих вопросы о *матримониальных отношениях и взаимоотношениях полов*. В отношении роли мужчины и женщины интенсивность мнения по обоим полюсам примерно равная – на сегодня сообщество не склонно жёстко определять социальные роли мужчины и женщины и противопоставлять семейные отношения и материальный успех, карьеру. Что касается вопроса любви, то фиксируется однозначная тенденция признавать примат духовных, человеческих отношений над плотскими, причём это убеждение характерно практически для всех возрастных групп респондентов. В вопросе относительно права женщин на аборт большая часть опрошенных (71%) склоняются к тому, что запрет абортов является императивом. По поводу добрачных половых связей мнения разделились примерно поровну, причём за общественное осуждение такой практики выступает больше женщин, чем мужчин, а также преимущественно люди старшего поколения.

Следующие шесть пар утверждений относятся к *взаимоотношениям в коллективе* и установлению баланса между личными и коллективными интересами. Нужно отметить, что у респондентов сохраняется тенденция к коллективизму и регламентации деятельности членов коллектива, причём нонконформизм не приветствуется. Вообще, как показывают результаты, в туркменском обществе *сохраняется примат коллективных целей перед индивидуальными* и убеждение в необходимости сопрягать свои личные интересы с интересами коллектива.

Представление о том, какие правила и истины граждане полагают для себя значимыми, до некоторой степени даёт анализ ответов по **второму набору дихотомичных утверждений** (см. табл. 2). Ответы свидетельствуют о разочаровании значительной части опрошенных в человеческой природе: 40% полностью уверены в неискоренимости человеческих пороков. Лишь на 11% больше тех, кто уверен, что человек по своей природе добр. Большинство респондентов соглашаются с высокой *ценностью человека* как

Дихотомный набор ответов на вопрос: «Какое из приведенных ниже утверждений соответствует Вашим представлениям и Вашей позиции в жизни»

Выбираемые утверждения	
1. Человек по природе своей добр	Человеческие пороки неискоренимы
2. Человек обладает абсолютной ценностью независимо от того, какую роль он играет в обществе	Ценность человека измеряется его ролью в обществе
3. Жизнь человека имеет абсолютную ценность и никто не вправе лишать его жизни	Человеческая жизнь самое ценное, что есть на свете, но бывают обстоятельства, что человека приходится лишать жизни
4. Считаю приемлемым для себя жить в соответствии с собственными нравственными законами	Я не могу всегда и во всем поступать в соответствии со своими моральными принципами
5. В обществе много несправедливых законов, поэтому их нарушение вполне оправдано	Несмотря на то, что некоторые законы могут быть несправедливы, все равно их выполнение обязательно
6. Я не использую других людей для достижения своих целей	Бывают обстоятельства, когда приходится использовать других людей для достижения личных целей
7. Человек всегда должен отвечать за свои поступки	При определенных обстоятельствах человек не должен отвечать за свои поступки

8. Человек должен вступать в брак один раз и на всю жизнь	Человек волен вступать в брак столько раз, сколько сочтёт нужным
9. Супруги всю совместную жизнь должны хранить верность друг другу	При определённых обстоятельствах связь на стороне не исключается
10. Человеку следует выбирать себе супруга из среды своего народа и разделяющего его религиозную веру	Для человека не важно, из какого народа и какой веры супруг, лишь бы были взаимные чувства
11. Не придаю значения национальной принадлежности тех людей, с которыми общаюсь	Я не могу не придавать значения национальности людей, с которыми общаюсь
12. Не придаю значения религиозной принадлежности тех людей, с которыми общаюсь	Я не могу не придавать значения религиозным взглядам людей, с которыми общаюсь
13. Человек должен всегда исполнять свои обещания, независимо от того, кому и при каких обстоятельствах он их дал	Иногда человек может не исполнять своих обещаний, если они даны плохим людям или под давлением

такового, вне зависимости от его социального положения; ещё большее количество опрошенных уверены в абсолютной ценности человеческой жизни, т.е., принимают основной постулат либеральной ценностной модели. Здесь получается несколько парадоксальная ситуация: заметная часть респондентов представляет себе человека как существо самоценное, жизнь которого является ценностным абсолютом, но порочного по своей природе. Значит, для них, человек есть высшая абстрактная ценность, в личном контакте с которой стоит быть крайне предусмотрительным и осторожным.

Что касается внутренних *нравственных оснований* человека, то большая часть респондентов заявила о себе как о людях принципиальных, имеющих морально-нравственные устои и старающихся от них не отступать. Использование людей в своих целях отвергается только 26% опрошенных, а 63% признают в той или иной степени такую возможность. При этом подавляющее большинство участников исследования полагает, что человек непременно должен отвечать за свои поступки.

Относительно того, может ли человек вступать в брак больше одного раза, мнения заметно разделились, хотя большая часть всё же придерживается точки зрения, близкой к религиозной – брак должен быть один и на всю жизнь.

Ещё более категорично ставропольские туркмены высказываются по поводу возможных *супружеских измен*. Единицу по левой части дихотомии выбрали 63,2% респондентов. Причём однозначно против супружеских измен выступают как молодые граждане, так и люди среднего и старшего возраста. Если принять во внимание ответы по пункту о возможности добрачных половых связей, то можно предположить, что брак в представлениях большей части населения остаётся весьма значимым институтом; до брака часть молодых людей считает возможным иметь половые связи, после оформления матримониальных отношений к этому относятся уже с большей предосторожностью и полагают необходимым умерить свои потребности в плане разнообразия партнёров. В немалой

степени это взаимосвязано с высокой ценностью семьи и семейных отношений, ведь по статистике измена – одна из наиболее частых причин разводов. В целом, сохранение достаточно консервативного отношения к институту семьи и брака в немалой степени сохраняет нравственную устойчивость сообщества и усиливает роль семейного воспитания в процессе общей социализации граждан.

Подавляюще большинство опрошенных туркмен (77%) считают, что супруга нужно выбирать из своей этнической и конфессиональной среды, иначе говоря, экзогамия не приветствуется. Эндогамия воспринимается как одно из основных средств сохранения этнической идентичности и культурной традиции. А вот решение о браке с представителями иных этнических групп даётся крайне тяжело самим брачующимся, осознающим, что этим они однозначно нарушают сложившуюся традицию и в чём-то разрывают свою связь со своей группой.

Как показывают результаты исследования, ценностные представления большинства ставропольских туркмен *сохраняют традиционные доминанты* и на сегодня не в полной мере вписываются в либеральную ценностную парадигму, хотя её элементы уже просматриваются. Ценностная иерархия общности на сегодня преимущественно секулярная и антропоцентричная, религиозные аксиологические конструкты не воспринимаются как таковые, но представляются частью общечеловеческой морали.

Владение родным языком. Исследование свидетельствует, что подавляющее большинство опрошенных (93%) может свободно изъясняться на родном языке. Знание разговорного туркменского языка, помимо функции поддержки этнокультурных традиций, имеет и ярко выраженную инструментальную функцию – в местах компактного проживания туркмен коммуникация без знания родного языка для них будет крайне осложнена. Русский язык знают практически все ставропольские туркмены, однако, как они отмечали, в моноэтнической среде его значимость как языка межкультурной коммуникации значительно уменьшается; большинство

досужих, семейных, приятельских и деловых разговоров ведётся на родном языке.

В то же время можно отметить определённую тенденцию к утрате речевых навыков на туркменском языке среди молодых людей до 30 лет, причём, согласно полученным нами результатам, 7,7% молодёжи до 25 лет вообще не могут говорить по-туркменски. Похожая тенденция фиксируется и в разбивке по образованию – если респонденты со средним и неполным средним образованием практически поголовно владеют туркменским языком, то люди с неоконченным высшим и высшим образованием в 15% случаев признаются в недостаточном знании ими родного языка.

Что касается возможности и желания получать информацию из газет, книг и журналов на родном языке, то здесь ситуация значительно отличается от той, что сложилась относительно разговорной речи. Регулярно (хотя бы раз в неделю) печатные издания на туркменском языке читают всего 12-13% респондентов, причём, основная причина этого кроется в отсутствии свежей литературы и периодики на туркменском языке. Почти 18% опрошенных признались, что недостаточно хорошо знают родной язык, чтобы воспринимать письменную речь. Этот показатель заметно превышает количество тех, кто указал на несовершенство своих навыков разговорной речи (6,6%). В целом, большая часть респондентов имеет возможность лишь эпизодически практиковаться в чтении литературы и периодики на туркменском языке, что естественным образом ведёт к угасанию соответствующих навыков.

Среди людей старшего возраста 34,8% указали, что читают по-туркменски ежедневно, 13% – каждую неделю, 26,1% – несколько раз в месяц. А в возрасте до 60 лет лишь 4-4,5% читают издания на туркменском языке ежедневно – складывается впечатление, что по достижении пенсионного возраста ставропольские туркмены стараются максимально тщательно поддерживать уровень своего знания родного языка. Зато среди

молодёжи до 25 лет больше всех оказалось тех, кому чтение на родном языке становится неинтересным – 15,4%. На плохое знание языка в основном сетуют люди от 25 до 40 лет, а также люди с высшим (25,5%) и незаконченным высшим (14,3%) образованием.

Отметим, что родной язык не в последнюю очередь служит каналом реализации и трансляции этнокультурной идентичности. Утрата языка (частичная или полная) по различным причинам критически сужает этот канал, отрезая индивида от этнической культуры или ограничивая возможность ее восприятия. Неполная утрата родного языка способна вызывать особенный дискомфорт, поскольку этнофор – носитель языка оказывается (или субъективно ощущает себя) в положении маргинала – уже вне «своей» культуры, но еще не интегрирован в «чужую». Подобную ситуацию анализирует В.Г. Гак, отмечая, что «деградация родного языка, его принижённое положение в обществе по сравнению с языком общегосударственного общения вызывает глубокий психологический кризис в сознании его носителей» [1].

В то же время, зафиксированная нашим исследованием тенденция к угасанию у заметной части молодых людей навыков чтения и говорения на родном языке вряд ли приведёт к их языковому отчуждению – практически все они успешно вписываются в общероссийскую культурную и языковую среду и не рискуют оказаться вне общественных процессов. Скорее, если эта тенденция будет укрепляться, будут ослаблены связи последующих поколений ставропольских туркмен с материнской культурой и языком, произойдет размывание самой этнокультурной общности. Возможность такого сценария подтверждается и тем, что значительная часть ставропольских туркмен не видит перспектив для своих детей в местах компактного проживания, прежде всего, в родных сёлах.

Между тем, даже если социально-экономическая обстановка в туркменских сёлах не будет улучшаться, своих детей живущими и работающими в родных местах хотели бы видеть 16,4% респондентов.

Подавляющее большинство из них – люди от 50 лет и старше. Среди молодёжи до 30 лет оказалось лишь 3,8% тех, кто разделяет эту точку зрения. Немногим большее количество их обуславливает обозначенную вопросом возможность улучшением условий жизни. Респонденты же старше 60 лет вообще не отметили варианты, подразумевающие возможность того, что их дети покинут родные сёла. Зато большинство опрошенных в возрасте от 18 до 50 лет склоняются к тому, что их детям следует получать образование, отправляться в город и обустраиваться там (69,2% респондентов в возрасте от 25 до 30 лет уверены в том, что из родных сёл нужно уезжать как можно скорее). Среди тех, кто разделяет такое мнение, большинство людей с высшим и неоконченным высшим образованием.

Таким образом, *значительная часть ставропольских туркмен намерена однозначно поощрять своих детей к перемене мест* и основанию нового пространства как в территориальном, так и в социальном плане. Конечно, не последнюю роль в этом играет стагнация экономического развития и демодернизационные процессы в восточных районах Ставропольского края, где компактно проживают туркмены, что не позволяет расширить спектр профессиональных занятий для молодёжи, получающей современное образование, а также не даёт возможности повысить уровень жизни. Но косвенно в указанной ориентации значительной части опрошенных обнаруживается и отсутствие стремления к архаизации социальной и хозяйственной жизни для будущих поколения как средству сохранения культурной традиции. Фактически речь идет о стремлении к интеграции, прежде всего социальной и экономической, в современное региональное сообщество, что в нынешних условиях для туркмен подразумевает урбанизацию и формирование новых значимых социальных связей вне своей этнокультурной общности.

Отношение к обычаям, традициям и религии. В связи со сказанным выше весьма актуальным представляется вопрос о соблюдении в различных условиях и в гетерогенном окружении *обычаев и традиций* туркменского

народа. Полностью отказаться от них, считая их архаизмом, несовместимым с современностью, готовы 6,6% респондентов. Зато 73% опрошенных выразили намерение соблюдать все (или основные) традиции вне зависимости от того, находятся ли они в своей этнической среде или в иноэтничном окружении. Причём обнаруживается заметно большее стремление женщин по сравнению с мужчинами к соблюдению всех традиций (57,9% против 30,3%). Кроме того, треть респондентов-мужчин заявила о готовности придерживаться основных традиций, среди женщин таковых оказалось 25%. По возрасту картина выглядит достаточно неоднозначной: пропорционально возрасту увеличивается доля тех, кто старается придерживаться всех традиций и обычаев своего народа – от 19,2% (18-24 года) и 11,5% (25-30 лет) до 79,2% (50-60 лет) и 95,7% (старше 60 лет). Однако среди людей до 40 лет достаточно много (от 26,9% (31-40 лет) до 30,8% (18-30 лет)) тех, кто старается соблюдать обычаи и традиции туркменского народа только находясь в его среде. Иными словами, у людей молодого и среднего возраста уже заметно формирование ситуативных поведенческих установок, соответствующих не правилам своего традиционного общества, а *мультикультурного социума*, где актуализируются иные правила и обычаи общежития, межличностной коммуникации. Люди старшего поколения, напротив, сохраняют сильную мотивацию к соблюдению традиций. С другой стороны, разница в подходах к соблюдению традиций и формированию новых поведенческих установок у молодых ставропольских туркмен не столь значительно влияют на их стремление соотносить свои поступки с традициями народа.

Соблюдение традиций, их мотивационное влияние не ограничивается лишь знаковыми событиями жизни индивида – рождение, свадьба, похороны и т.д., но распространяется на различные жизненные ситуации, на повседневность. Это очень важно. Разумеется, основные традиции, обычаи, народные обряды относятся как раз к знаковым событиям человеческой жизни, когда даже те, кто не декларирует своей этнической аффилиации,

вольно или невольно соблюдает определённые правила и обычаи. Но именно модус повседневного действия, детерминированный традициями, формирует желательное, одобряемое поведение индивида в его этнической среде и, конечно, воздействует на его жизнь и деятельность вне её.

Примечательно, что в разбивке по возрасту респонденты старше 60 лет, отличающиеся, как показывают результаты, наибольшей консервативностью, практически не конкретизировали события, при которых они стараются придерживаться туркменских обычаев, но в подавляющем большинстве (91,3%) выделили пункт «другое», поясняя это тем, что обычаев следует придерживаться не только при знаковых событиях, но и в повседневности. Подобный подход во многом препятствует формализации традиций и обычаев и сохраняет их в повседневности, не превращая в «нерукотворные памятники».

У более молодых людей, особенно, в возрасте до 40 лет, фиксируется несколько иной подход – они стараются соблюдать обычаи и традиции именно тогда, когда их несоблюдение было бы уже моветоном в среде соплеменников, другими словами, придают большее значение соблюдению традиции как своего рода необходимой процедуре. Естественно, сохранение традиций и обычаев в обоих случаях обеспечивается, однако, формализуясь, традиция теряет часть смысла, который вкладывался в неё изначально и остаётся, по большей части, этнокультурным маркером, с превалирующими идентификационными функциями. Так или иначе, на сегодня традиции и обычаи имеют немалое значение для ставропольских туркмен. И даже если они не оказывают значительного влияния на повседневность молодых людей вне традиционного социума, то в любом случае формируют костяк *внутренних связей туркменской этнической общности.*

В этой связи следует обратить внимание на ещё один существенный аспект бытия обществ, имеющих мощную традиционную опору, – конфессиональную принадлежность. Ставропольские туркмены в подавляющем большинстве – сунниты ханафитского мазхаба. В местах их

компактного проживания функционирует несколько исламских общин с имамами из местной этнической среды, есть мечеть. Среди опрошенных нами ставропольских туркмен оказалось всего 8% тех, кто склоняется определить себя неверующим человеком. Тех, кто уверенно назвал себя верующим, оказалось около 30%. К ним примыкают 54% указавших, что они, в той или иной степени, могут назвать себя верующими людьми. Среди тех, кто с большей уверенностью ответил на этот вопрос, преобладают женщины (33% против 26% у мужчин), люди в возрасте от 50 лет (54% – 50-60 лет, 91% – старше 60 лет), а также респонденты с неполным средним (54,5%) и средним (40%) образованием. Среди определивших себя неверующими в основном люди в возрасте до 40 лет.

Относительно частоты посещения мечети ситуация менее однозначна. Основной причиной непосещения мечети респонденты назвали отсутствие ее в месте своего проживания (25%). Для 10,5% посещение мечети необязательно – главное, быть мусульманином в душе. Ежедневно посещают мечеть 34,8% респондентов старше 60 лет и 4,2% в возрасте от 50 до 60 лет. Молодёжь и люди среднего поколения делают это от раза в месяц до нескольких раз в год, чаще в случайном режиме или по большим праздникам. Заметная часть респондентов в возрасте до 30 лет (19,2%) призналась в том, что чувствует себя в мечети некомфортно.

Что касается выполнения исламского молитвенного правила – намаза, то здесь религией также предписываются чёткие положения о том, сколько раз, когда и как совершать молитву, какие суры и аяты из Корана необходимо читать и в какую сторону обращать лицо. Общепринятая частота намаза у мусульман-суннитов – пять раз в день. Строго придерживается этих установлений небольшое количество опрошенных нами ставропольских туркмен (19%). Примечательно, что 54,6% опрошенных вообще затруднились с ответом на вопрос о частоте совершения ими намаза. Можно полагать, что значительная часть ответивших таким образом практически не совершает намаз или просто не задумывались над этим. Как показывают

данные опроса, женщины совершают пятикратный намаз чаще, чем мужчины (22,4% против 15,8%). Также пять раз в день молятся, преимущественно, люди старшего поколения (87%), а также люди в возрасте от 50 до 60 лет (29%).

На этом фоне ответы респондентов относительно соблюдения поста в месяц Рамазан фиксируют большее религиозное рвение, чем по предыдущим позициям. В полной мере и всегда пост соблюдает 23% опрошенных, не всегда или частично – 21,7%. Среди тех, кто соблюдает пост в полной мере, преобладают женщины (26,3% против 19,7% у мужчин), люди старше 60 лет (87%) и в возрасте от 50 до 60 лет (37,5%)

Как показывают результаты опроса, 71% опрошенных нами ставропольских туркмен стараются совершить предписанное исламом жертвоприношение в праздник Курбан-байрам, причём 41,4% респондентов считают это для себя обязательным при любых обстоятельствах. Интересно, что устаревшим и ненужным обычаем ритуальное жертвоприношение считают лишь 3,3% опрошенных в основном молодых туркмен. Подавляющее же большинство респондентов уверены в том, что древний обычай нужно соблюдать в той или иной форме, несмотря на то, что его выполнение требует определённых материальных издержек, вне зависимости от того, совершается ли непосредственно жертвоприношение или верующие отдают «закят» – определённое денежное пожертвование в пользу малоимущих мусульман.

Немаловажным также является реальное или потенциальное влияние религиозных убеждений на повседневные действия респондентов. Оказалось, что 90% респондентов в той или иной степени стараются *соотносить действия в различных жизненных ситуациях с убеждениями*. В большей степени так поступают женщины (86,8% против 79% у мужчин), люди в возрасте 41-50 лет (100%, 74,1% - ответ «скорее, да»), 50-60 лет (91,7%, 50% - ответ «скорее, да»), старше 60 лет (100%, 82,6% - ответ «да»), а также молодёжь в возрасте до 25 лет (84,6%, 65,4% - ответ «скорее, да»).

Интересно, что 70,6% респондентов с высшим образованием и 85,7% с неоконченным высшим образованием также полагают необходимым соотносить свои действия с канонами ислама.

Каждый мусульманин знает, что есть *харам* – вещи и действия запрещённые, не соответствующие исламу, и *халал* – то, что разрешено и исламу соответствует. Наиболее вероятно, что большая часть ставропольских туркмен, стремящихся соотносить свои поступки с канонами ислама, старается отказываться от явного харاما и вести себя согласно имеющихся у них собственных представлениях об образе мусульманина. В то же время обнаруженный нами высокий уровень мотивации респондентов вести себя в соответствии с исламом свидетельствует о стремлении к *укреплению конфессиональной идентичности и сохранению своей этноконфессиональной традиции*.

Вместе с тем у заметной части опрошенных отношение к религии имеет и черты секулярного подхода. Так, 26,3% при ответе на вопрос об их отношении к гипотетически возможной апостазии – переходу их детей из ислама в другую религию, указали, что и в этом случае отношение к детям у них несколько не изменится. Только 4,6% прекратят всякие отношения со своими детьми в случае апостазии последних. Здесь нужно учитывать, что в исламе вопрос о переходе в другую конфессию отрицается весьма жёстко. Почти треть респондентов заявили, что вообще не представляют такой ситуации со своими детьми, даже гипотетически.

Если случаи вероотступничества в среде ставропольских туркмен сложно не то, что припомнить, но даже представить, то опыт взаимодействия с представителями иных этносов и конфессий у них достаточно большой. Большая часть туркмен работает в смешанных коллективах, в местах своего проживания они соседствуют с русскими, украинцами, ногайцами, татарами, представителями народов Дагестана. Подавляющее большинство опрошенных высказалось за то, чтобы люди другой веры и национальности были их коллегами, соседями, друзьями. По большей части, межгрупповые и

межличностные отношения у них складываются *конструктивно*, за исключением ряда ситуаций, вылившихся в открытые конфликты с этническим компонентом.[2]

О национально-культурной автономии. Показав вполне доброжелательное и толерантное отношение к представителям иных культур, готовность и стремление к деловому, культурному, социальному и межличностному взаимодействию, большая часть наших респондентов выступила, однако, *против смешанных браков* как для себя, так и для своих потомков. Как представляется, по нашему мнению, в этом сказываются традиции ставропольских туркмен, живших долгое время обособленной группой и тщательно сохранявших свою этнокультурную уникальность в иноэтничной среде. В туркменском сообществе сохраняется устойчивое мнение о том, что его численность сейчас вполне достаточна для того, чтобы обеспечивать доминирование эндогамии внутри данной этнокультурной общности, которая представляется как одно из действенных средств сохранения культурной и этнической традиции.

Ещё одним из таких средств респонденты полагают развитие *национально-культурной автономии* (66,5% в той или иной степени уверены в этом). Что в данной ситуации они понимают под культурой, сохранение которой является, по их мнению, основной задачей национально-культурной автономии? Оказывается, по мнению большинства, это, в первую очередь, язык, религия, оригинальные обычаи, фольклор, устные и письменные предания народа, иными словами, атрибуты уникальности, инаковости туркменского этнического сообщества на Северном Кавказе. Как мы убедились, большая часть ставропольских туркмен хотела бы в полной мере сохранить основные культурные маркеры своей этнической общности. Однако уже далеко не так много людей, готовых в полной мере следовать созданной этой культурой ценностной модели. Особенно это касается молодых людей, личное и профессиональное развитие которых требует принятия поведенческих и ценностных установок, более соответствующих

мультиэтничному и мультикультурному пространству российских городов. Мы обнаружили достаточно чёткое стремление молодых представителей туркменского социума интегрироваться в более модернизированное сообщество, что потребует от них отказа от ряда традиционных установок и привычных условий повседневной жизни (надо признать, что они это осознают, и, по большей части, готовы к этому). В то же время, активного стремления модернизировать само туркменское сообщество не обнаружилось. Несмотря на то, что подавляющее большинство молодых туркмен всё ещё способно бегло разговаривать на родном языке, стремления совершенствовать и углублять знания своей традиционной культуры у них не выражено, равно как и не наблюдается особой мотивации сохранять традиции. Их уровень религиозности относительно невысокий. В противоположность этому, старшее поколение демонстрирует и более глубокую религиозность, и стремление к сохранению и практике традиционной ценностной модели, и желание лично оставаться в полной мере носителем своей традиционной культуры. Причём влияние старшего поколения в этом плане настолько велико, что, как свидетельствуют результаты опроса, молодёжь предпочитает в родных сёлах вести себя так, как подобает туркменам в представлении старшего поколения.

В условиях, когда социально-экономические предпосылки затрудняют стимулирование мотивации молодого поколения оставаться в родных сёлах и поддерживать традиционный уклад жизни, национально-культурная автономия, по всей видимости, остаётся единственной возможностью стимулировать сохранение основных традиций, обычаев, самобытности туркменской культуры на Ставрополье. Являясь легитимным представителем общности, автономия может как налаживать культурные связи с этнической родиной (Республикой Туркмения), так и оказывать помощь той части туркменской молодёжи, которая стремится, даже в условиях пространственного отрыва от своей этнокультурной общности, сохранить и передать последующим поколениям традиционную культуру. В любом

случае, очевидная мотивация людей трудоспособного возраста обеспечить своим детям более высокий уровень жизни по сравнению с тем, на который они могут рассчитывать, оставаясь в родных сёлах, возможно, приведёт в недалёком будущем к заметному оттоку туркменской молодёжи в другие регионы и города. Одной из основных причин этого является невозможность в ближайшие годы в достаточной степени модернизировать традиционное для туркмен сельскохозяйственное производство и повысить уровень жизни в местах их компактного проживания. Подобное развитие событий действительно может способствовать превращению туркменских сёл в замкнутое пространство традиционной культуры, хотя, справедливости ради, нужно подчеркнуть, что вряд ли подобное произойдёт в ближайшее время. На сегодня ни аномии, ни ярко выраженного протеста против традиционных культурных и ценностных норм в рамках ставропольского туркменского социума не фиксируется, хотя, как отмечали сами респонденты, модернизировать данное сообщество как таковое вряд ли удастся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гак В.Г.* Аспекты языкового регулирования // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. М., 1994. С. 145-146.
2. *Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Хоц А.Ю.* Локальный этнический конфликт: события в Кендже-Кулаке Туркменского района Ставропольского края как предмет конфликтологического анализа// Россия на старте века. 2000-2004. Том 2. Год 2001-й. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2004.